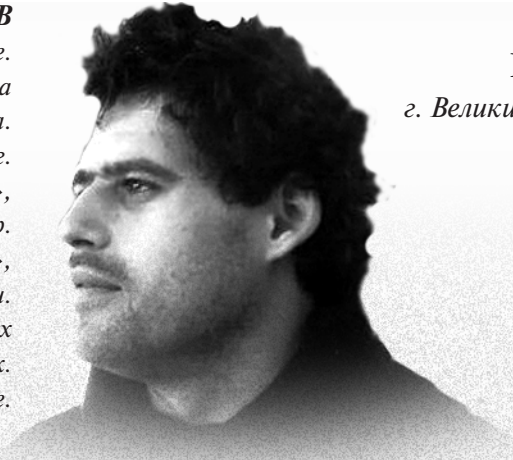

Григорий КНЯЗЕВ

*родился в 1990 году в Великом Новгороде.
Выпускник филологического факультета
Новгородского университета.
Автор шести поэтических книг.
Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя»,
«Новая Юность», «Дружба народов» и др.
Лауреат российско-итальянской премии «Белла»,
Державинской премии.
Участник Всероссийского семинара молодых
литераторов в Ярославле и Химках.
В журнале «Север» публикуется впервые.*

**Григорий
КНЯЗЕВ**

г. Великий Новгород

**«Воля к жизни значит —
любовь...»**

* * *

На Ладогe, на Онеге,
Чьи океаны свежи,
И о земле, и о небе
Знают все тайны ежи.
Знают лягушки-жабы
Каждый родной ручеек,
Все холмы и ухабы:
В гости бы к ним, на чаек!
Знает гриб из грибницы,
Знает на севере мох,
Знают рыбы и птицы,
Что в каждом атоме — Бог!
Знают корни и ветки,
Знают деревья и пни,
Кто — их дальние предки,
И кто — из близкой родни.
Знают змеи и звери...
А я, хоть и здесь рожден,
В пути от знания к вере
От них навек отчужден —
И никогда не узнаю
Всё то, что знают они.
Лишь смутно припоминаю
Те заповедные дни,
Где мир был единым целым —
От вирусов до ежей,
Меж духом, душой и телом —
Без рамок, без рубежей!

СЕНТЯБРЬ

Персика расколешь косточку —
Даже в ней таится яд.
Вновь свою отыщешь звездочку:
«Спи, родная! Люди спят».
Густо виноград дичающий
Нам крыльцо обвил лозой.
День, застывший и скучающий,
Обрывается слезой.
Ночь — по-зимнему лиловая,
Рвется облако-лоскут.
В суп пойдет крупа перловая...
Перлы грусти ввысь влекут.
Меж печалей утешители —
Наши цели, планы, сны.
Мы еще земные жители,
А уже дома тесны.
И не то чтоб упивание
Нарастающей тоской,
Но и в этом — упование
На движенье, на покой.

НА БОЛОТЕ

Помнишь ягоду-гоноболъ
 На болоте, в клочьях тумана?
 Всѣ сильней головная боль
 От разросшегося дурмана.
 Мы брели, ступая слегда
 Между полуоткрытых «окон».
 До чего ж подстилка мягка!
 Воздух весь — из плотных волокон.
 Посреди карельских болот,
 В царстве гнилости и броженья,
 Собирали мы сладкий плод —
 Плод ли нашего воображенья?
 На болоте, в его парах,
 Нам казалось, что космос — рядом,
 Словно были в иных мирах,
 В них проникнув внутренним взглядом.
 Полусуша-полувода.
 Смех кикиморы так и манит!
 Мы ушли бы в топь без следа —
 Дух болотный разум туманит...
 Инфернальный фосфорный свет,
 Будто опыт ставит алхимик.
 В мутной памяти — зыбкий след,
 Помню лишь: по колено вымок...
 Понял я теперь, почему
 «Местом силы» зовут болото:
 Там, как в детстве, в дымке, в дыму
 Проступает вечное что-то...

ЭТЮДИК

Мы в тени гуляем сада:
 Веет легкая прохлада,

Нет еще сплошного зноя —
 Дышащее всё, сквозное.

Мир так явственно поделен
 На две сферы — синь и зелень.

И всё звонче, и всё чётче —
 Ласточки до самой ночи.

Гляньте на поющий куст вы:
 Даже он — предмет искусства!

В летнем воздухе так много
 Фета, Моцарта, Ван Гога!

МОТЫЛЬКОВАЯ МОЛИТВА

Стало пасмурно-темно
 В этом августе так резко.
 В алом пламени окно —
 И пылает занавеска.
 Вот и мрак на землю лег,
 Напугав летучей мышью.
 Бьется в стекла мотылек —
 Так и я меж тьмой и тишью
 В ледяной ночи молюсь
 На тепло и свет в окошке,
 Как ребенок, спать боюсь
 При шуршащей косиножке.
 Ночи белые прошли.
 Выйти на крыльцо мне жутко —
 К запаху сырой земли —
 Даже на одну минутку!
 Тишь паучья, полный мрак —
 Что на улице, что в спальне.
 Хоть бы дальний лай собак,
 Хоть бы поезд свистнул дальний!
 Можно так сойти с ума,
 То в слепое небо глядя,
 То на сонные дома —
 Пляшут тени на фасаде.
 Смертным холодом несет,
 А не холодом осенним.
 И никто ведь не спасет,
 Да и что считать спасеньем?
 Неспроста же старики,
 Как и маленькие дети,
 Черной ночи вопреки,
 Спят при ночнике, при свете, —
 Чтобы лампы слабый блик,
 В противостоянье аду —
 Точно озаренный лик —
 Ночи вытеснил громаду!